

Андрей Авраменко

Шахматный турнир 1575 года

12+

Андрей Алексеевич Авраменко

Шахматный турнир 1575 года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66957763

SelfPub; 2021

Аннотация

Шестнадцатый век, Мадрид. При дворе могущественного испанского короля Филиппа II встречаются четверо сильнейших шахматистов всего христианского мира. Лишь один из них сможет оказаться на самой вершине шахматного Олимпа – но кто именно? Бескомпромиссная борьба ведется не только за клетчатой доской, но и далеко за пределами тихой игровой комнаты – и в дальних странах, и в пиратских водах, и в душах игроков, обуреваемых безудержными страстями. Любовь и ненависть, зависть и жажда мести – смертельный яд в победном кубке пьянящей славы...

Содержание

Андрей Авраменко

Шахматный

турнир 1575 года

Мадридский турнир 1575 года считается первым международным соревнованием¹ в истории шахмат, в котором испанцы Руй Лопес и Альфонсо Серон играли против итальянцев Паоло Бои и Джованни Леонардо при дворе короля Филиппа II. Однако современные историки высказывают серьёзные сомнения, касающиеся как самого турнира (места и времени проведения, присутствовавших зрителей, формата игр), так и «легендарных» биографий его участников. Спустя почти 450 лет единственными нашими источниками знаний об этом событии остаются лишь романтизированные, с большим количеством «пробелов» и нестыковок, мемуары двух шахматистов XVII века. Но пусть в этой истории нет ни капли правды, она всё равно остаётся для нас одной из самых красивых легенд о любви, войне, мести, ядах, пиратах и... шахматах.

1

Родриго (Руй) Лопес де Сегура родился в 1530 году в

¹ Важно отметить, что с технической точки зрения турнир нельзя в полной мере считать «международным» противостоянием Испании и Италии, т.к. все игроки на тот момент являлись подданными короля Филиппа II: и Сицилия (родина Бои), и Калабрия (родина Леонардо) входили в состав Испанской империи.

богатой купеческой семье, владевшей особняком на площади Гранде в испанском городе Сафра. Он был старшим из шести братьев и сестёр. Ещё в юном возрасте он влюбился в шахматы, однако своим призванием выбрал служение Католической церкви. Родриго и его брат Алонсо, тоже священник, возглавили приход церкви Ла Канделария² в Сафре, но вскоре их пути разошлись: Алонсо остался в своём родном городе, целиком посвятив себя заботе о пастве и благотворительности, а амбициозный Родриго покинул Сафру и на унаследованные от отца деньги отправился искать славы и расположения при дворе короля Филиппа II³. Целеустремлённый и талантливый юноша вскоре добился своего, став личным исповедником Гарсии Альвареса де Толедо – наставни-

² По легенде в XIV веке океанские волны вынесли на берег острова Тенерифе чёрную скульптуру женщины с ребёнком, которую нашли гуанчи (коренное население Канарских островов) и в пещере поклонялись ей в течение полувека. Это место (впоследствии прибрежный городок) они назвали Канделария, что в переводе звучит как «встреча с Богом». После испанского завоевания на месте грота построили часовню в честь Чёрной Мадонны, но в 1826 году во время сильнейшего шторма океан унёс свой подарок. В память об этой статуе Девы Марии Канделарской названы многие католические церкви в Европе и Южной Америке.

³ **Филипп II** (1527-1598) – король Испании с 1556 года. Во время его правления страна достигла пика своего могущества, превратившись в «Империю, над которой никогда не садится Солнце» (исп. *El imperio en el que nunca se pone el sol*). Филипп II установил контроль над Филиппинами (названы в честь него) и рядом других островов в Тихом океане, присоединил Португалию, получив все её заморские владения: Бразилию и порты в Африке и Азии, а также развивал деятельность колоний в Южной и Латинской Америках: Перу, Венесуэлы, Кубы и мн. др.

ка принца Карлоса Астурийского⁴.

В декабре 1559 года Лопес отправился в Рим на выборы нового папы, которым стал Пий IV. Италия тогда считалась главным шахматным центром Европы, поэтому священник, находясь в Риме, часто играл с местными жителями и зарекомендовал себя одним из сильнейших игроков. Чтобы поддержать шахматную честь «Вечного города», римляне выдвинули против маэстро своё молодое дарование: 18-летнего Джованни Леонардо по прозвищу *Мальши*⁵. Однако страстная, рискованная игра пылкого юноши не смогла поколебать опытного и глубоко знавшего теорию Лопеса – их матч закончился со счётом 2-0. С лёгкостью разделавшись со всеми игроками Рима, испанский священник остался очень низко-

⁴ **Дон Карлос, принц Астурийский** (1545-1568) – наследник испанского престола, сын короля Испании Филиппа II. Ввиду психической неуравновешенности принц был заключён в тюрьму собственным отцом в начале 1568 года, где оставался вплоть до своей смерти.

⁵ Оригинал прозвища на итальянском языке звучит как «*il Puttino*» – «мальши», «ребёнок». Руй Лопес в своей книге пишет, что в Риме ему довелось сыграть с тем, кто называл себя «*el tuchacho de Roma*» (исп. «мальчишка из Рима»). В некоторых источниках можно встретить мнение, что прозвище «мальши» Леонардо носил из-за своего небольшого роста (например, в книге А.Сальвио «Путтино или Странствующий рыцарь» 1635). Однако, более вероятно, что *Puttino* значило именно «паренёк» по аналогии с американским «*the Kid*» (например, малолетний бандит «Мальш» Билли [Billy the Kid] или начинающая покерная звезда «Паренёк из Цинциннати» [The Cincinnati Kid]). Шахматный талант Леонардо раскрылся ещё в юном возрасте (14-16 лет), поэтому неудивительно, что старшие игроки, с которыми ему приходилось иметь дело, обращались к нему «мальшишка».

го мнения об итальянской шахматной школе. Здесь же он познакомился с главным шахматным учебником того времени – книгой Педро Дамиано⁶, которая не вызвала у него ничего, кроме неприятия и раздражения.

После возвращения в Испанию, окрылённый многочисленными победами, Руй Лопес решил систематизировать свой шахматный опыт и накопленные знания: в 1561 году в городе Алькала-де-Энарес он издал «Книгу об изобретательности и искусстве игры в шахматы» (*Libro de la invención liberal y arte del juego del ajedrez*), в которой подверг резкой критике рекомендации Дамиано и других итальянских мастеров. Учебник Лопеса произвёл настоящий фурор в шахматном мире – книгу выгодно отличало то, что испанец не просто приводил записи интересных партий и описывал популярные дебюты, но, исходя из общих соображений, пытался обосновать, почему тот или иной ход или позиция являлись сильными. Кроме того, на страницах книги Лопес делился с начинающими игроками рядом практических советов. Например, он писал: *«Вы всегда должны стремиться как можно больше утомить и огорчить своего противника.*

⁶ **Педро Дамиано** (1480-1544) родился в городке Одемира на юге Португалии в еврейской семье и по профессии был фармацевтом. После того, как король Португалии Мануэл I в 1496 году подписал указ об изгнании евреев и мусульман из страны, Дамиано бежал в Италию, где решил скрыть своё происхождение, взяв себе псевдоним в честь христианского святого покровителя аптекарей – Дамиана (в русской церковной традиции *Демьян*). В 1512 году в Риме он издал на итальянском и испанском языках «Книгу, которая учит играть в шахматы и содержит окончания партий» (итал. *«Libro da imparare giocare a scachi et de li partiti»*).

Делая это с должным напором, вы истощите силу его воображения и заставите совершать ошибки.» Ощущая невероятный подъём популярности шахмат в Европе, Лопес рассчитывал, что выход книги в свет сделает ему имя и укрепит его положение при дворе. Кроме того, зная, о любви принца Карлоса к этой интеллектуальной игре, он корыстолюбиво посвятил своё сочинение малолетнему наследнику престола.

Однако, несмотря на всеевропейский успех и признание его как игрока, шахматы для Руи Лопеса всегда оставались лишь развлечением, основной же сферой своих профессиональных интересов он видел гуманитарные науки, в частности, филологию. Священник являлся видным специалистом по латинской грамматике, преподавал её и в 1563 году в Лиссабоне издал книгу «Становление латинской грамматики» (*Latinae Grammaticae Institutiones*), которую на этот раз посвятил 9-летнему королю Португалии – Себастьяну I⁷. Также он всерьёз работал над трактатом о нумизматике. Но

⁷ **Себастьян I Желанный** (1554-1578) – король Португалии из Ависской династии. У предыдущего короля Португалии Жуана III в какой-то момент не осталось больше в живых ни одного престолонаследника мужского пола (из 9 детей). Судьба страны зависела от ребёнка, который находился в утробе Хуаны Австрийской – если бы это был мальчик и его роды прошли успешно, то Португалия была бы спасена от правления ненавистной Кастилии. Этим ребёнком оказался Себастьян I, прозванный при дворе «Желанным». К сожалению, в дальнейшем большое религиозное рвение и отсутствие у 24-летнего короля военного и политического опыта привели к бессмысленной войне с маврами, в результате которой Себастьян I погиб. Ависская династия оказалась прервана, а Португалия и Испания объединились под скипетром короля Филиппа II.

именно благодаря своим шахматным достижениям Руи Лопес удостоился аудиенции у короля. Его покровитель – Альварес де Толедо – предложил Филиппу II интересное развлечение: пригласить ко двору лучших шахматных игроков Испании, чтобы они сразились перед королём за звание «чемпиона». Монарху – большому любителю шахмат – понравилась эта идея, и, в качестве оппонента Руи Лопесу, на матч был вызван его ближайший «преследователь» Альфонсо Серон.

2

Альфонсо Серон родился в 1535 году в мелкопоместной, незнатной дворянской семье в испанской Гранаде. Он был младшим ребёнком и по закону «майората»⁸ не имел права претендовать на отцовское наследство. Чтобы обеспечить себе материальное благополучие, Альфонсо, с детства презиравший физический труд, пошёл в священники. В перерывах между мессами Серон вместе с другими клириками коротал время за древней игрой и через несколько лет прослыл непревзойдённым мастером. Когда при дворе короля стали подыскивать достойную пару для матча с Руи Лопесом, один известный епископ, у которого Серон служил каноником, вовремя подсказал устроителям имя своего подопечного.

Оказавшись во дворце, Лопес и Серон разыграли перед

⁸ **Майорат** (от лат. *major* «старший») – порядок наследования имущества, согласно которому оно целиком переходит к старшему в роду или семье.

Филиппом II несколько партий, безоговорочную победу в которых одержал Руй Лопес. Также он поразил монарха демонстрацией игры вслепую с завязанными глазами. Король Испании был в таком восторге, что наградил Лопеса бенефицием⁹ и золотой цепочкой с подвеской в виде ладьи. Но дороже всех денег для него стало то, что Филипп II назначил его своим личным поверенным по делам церкви – то, к чему Лопес так долго стремился, наконец, свершилось!

Первые пять лет на службе у короля Лопес выполнял лишь небольшие поручения, связанные с инспекциями церквей в отдалённых уголках королевства. Много путешествуя по Испании, он приумножил свою шахматную славу, победив всех выдающихся игроков того времени: Эскивеля, Педросу, Медрано и прочих. В 1570 году Филипп II, оценив исключительные благонадёжность и исполнительность, проявленные Лопесом в его скромной должности, поручил ему новую ответственную миссию в Перу. С конца 60-х годов дела в колонии шли плохо: добыча драгоценных металлов стремительно падала, налоги в казну поступали нерегулярно, к тому же нарастал внутривластный кризис между элитами первопоселенцев, захвативших всю землю и власть, и вновь прибывающими иммигрантами. Требовалось немедленно установить как можно более жёсткий контроль над

⁹ **Бенефиций** (или пребенда) – право на доход с церковной должности в виде земельных владений, домов для жительства клира, денежного жалованья и т. п. Вручалось духовному лицу в награду за оказанную службу.

экономическим и социальным развитием богатейшей колонии, и Филипп II принял решение направить в Лиму¹⁰ Франсиско де Толедо – выходца из высшей кастильской аристократии, человека сурового и непреклонного, который уже много лет верой и правдой служил интересам «Бога и Короля». Старый солдат Толедо занял должность вице-короля¹¹ Перу в ноябре 1569 года и, наделённый чрезвычайными полномочиями, сразу же принялся железной рукой наводить порядок в колонии. Всего через пару месяцев в Мадрид хлынул поток жалоб и доносов от местной бюрократии, возмущённой действиями нового правителя. Кроме того, на одном корабле с Толедо в Лиму прибыл Серван де Серезуэла, назначенный королём главным инквизитором Перу. До этого все дела о ереси в колонии разбирались епископами, и они довольно враждебно восприняли учреждение инквизиции, отобравшей у них часть власти. Поэтому к многочисленным протестам в адрес Толедо прибавился ещё и ропот колониального духовенства, обвинявшего Серезуэлу в жут-

¹⁰ Испанские войска под предводительством конкистадора Франсиско Писарро впервые высадились на территории Перу в 1532 и всего за несколько лет смогли полностью уничтожить прежнее государство инков. В 1535 в долине реки Римак (на языке индейцев *кечуа* произносится как [ли́мак]) была заложена новая колониальная столица Сьюдад-де-лос-Рейес (исп. «Город королей»). Однако вместо этого претенциозного названия укоренилось название от гидронима Римак, со временем перешедшее в Лима.

¹¹ **Вице-король** (или наместник) – должность в XVI веке, на которую Испанский король назначал своих сановников в качестве управляющих принадлежавшими тогда Испании итальянскими областями и американскими колониями.

кой некомпетентности. Филиппу II было тяжело разобраться, что же на самом деле происходит по ту сторону океана, и ему были необходимы надёжные и беспристрастные люди, которые снабжали бы его достоверной информацией из Перу. Одним из таких «королевских шпионов» и стал Руй Лопес, получивший официальное назначение инквизитором в Лиму.

В октябре 1570 года Лопес зарегистрировался в порту Севильи для отплытия в Новый Свет на «*первом же свободном корабле*», но срочно отправиться у священника не получилось – той осенью свободных кораблей уже не оказалось. В следующем году все испанские судна были реквизированы в пользу Священной лиги¹² для войны против Турции – плавание откладывалось ещё на несколько лет. В 1572 году Филипп II направил Лопеса в Рим, чтобы тот договорился с новоизбранным понтификом Григорием XIII об издании папского документа, разрешающего Испанской казне собирать налоги с церковью Кастилии и Арагона. Так, спустя 12 лет, Руй Лопес снова оказался в Италии, где снова обыграл всех местных шахматистов. Встретился он и со своим давним соперником: *Мальшиом Джованни*. «*Мальшиу*» на тот момент было уже 30 лет – он заметно повзрослел, окреп в своей игре

¹² При энергичном посредничестве папы Пия V 15 мая 1571 года была образована **Священная лига** – союз католических государств (Испании, Венеции, Неаполя, Сицилии и др.) против Османской империи, который предусматривал сбор совместного флота из 200 галер, 100 судов снабжения и армии в 50 000 человек.

и готов был взять реванш у именитого испанца за своё прошлое поражение.

В день их матча собралась большая толпа. Люди охотно делали ставки, ведь *Мальши* по-прежнему считался лучшим игроком Рима. Джованни Леонардо применил всё своё мастерство в партии: мощно атаковал, напирал на соперника в миттельшпиле, но Лопес осторожно и внимательно защищался и смог свести игру вничью. Во второй партии *Мальши*, казалось, удачно разыграл дебют, но снова не смог добиться победы в эндшпиле. Раздосадованный и сбитый с толку Леонардо сел за третью партию с надменным испанским священником. Холодный, пронизывающий взгляд Руи Лопеса выводил его из себя и мешал сосредоточиться. Испанец воспользовался этим и через несколько ходов разгромил противника, удвоив горечь его поражения унижительной насмешкой: «Хоть ты и повзрослел, но в игре так и остался *мальшом*...». Услышав это, Леонардо выскочил из-за стола и исчез из Рима навсегда. Через несколько дней город покинул и «непобедимый маэстро» Лопес – он вернулся в Мадрид, чтобы дождавшись конца войны, отправиться с королевской миссией в Перу.

3

Паоло Бои родился в 1528 году в Сиракузах на итальянском острове Сицилия в богатой и уважаемой семье. Несмотря на то, что ему легко давались различные науки, всему другому он предпочёл шахматы, которые преврати-

лись в его страсть. Уже в 16 лет он стал сильнейшим игроком Сицилии, обыграв троих лучших шахматистов острова во время сеанса одновременной игры вслепую – после этой легендарной победы он получил прозвище *Сиракузец*. Не найдя себе равных на родине, Бои отправился в путешествие по Италии. Каждая новая победа разносила славу о нём всё дальше. Часто Бои играл с завязанными глазами, а также предлагал противникам фору – пешку и ход. В Венеции он смог своей невероятной игрой покорить герцога Гвидобальдо II, который осыпал итальянца драгоценными подарками, став его покровителем. В 1549 году *Сиракузец* обыграл в шахматы папу римского Павла III, за что тот предложил сделать его кардиналом, но Бои слишком любил странствовать и отказался от сана, который удерживал бы его на одном месте. В Неаполе под покровительством Фабрицио II Джезуальдо, принца ди Веноза, который ежегодно выплачивал Бои 300 скудо¹³, он организовал во дворце свою «Шахматную академию» – по сути, клуб, где собирались выдающиеся итальянские игроки и проводили время за изучением древней игры. Около 1570 года Бои обыграл в шахматы ещё одного панти-

¹³ **Скудо** (экскудо – в Испании и Португалии, экю – во Франции) – ходовая денежная единица государств в Средние века и Новое время, выражаемая золотой или серебряной монетой. Можно привести несколько примеров покупательной способности *скудо* в Италии XVI века. Аренда жилья в Риме: в бедных районах 10-15 скудо в год, ближе к центру 25-35 скудо в год, в богатых районах 50-100 скудо в год. 40-летний торговец, живя в Риме, тратил на еду около 70 скудо в год. Питаться одним лишь хлебом стоило 10 скудо в год. За свои лучшие картины Караваджо и Рубенс получали по 200-400 скудо.

фика – Пия V, который снова предложил Паоло церковный сан и солидную бенефицию. Папа Римский приводил сицилийцу в пример Родриго Лопеса – священника и лучшего шахматного игрока Европы – но Бои оставался непреклонен, больше всего на свете ценя свою свободу. В какой-то момент слава *Сиракуза* достигла таких высот, что он превратился в героя мифов и легенд. Так, например, на городских площадях Флоренции и Капуи жители с упоением пересказывали друг другу историю о том, как Паоло Бои победил в шахматы саму Смерть, и та сказала ему: «Ты сильнее меня». В других частях Италии людская молва разносила слухи о том, что однажды во время мессы сицилиец смог поставить мат Дьяволу, выстроив на доске крест из шахматных фигур.

В 1571 году 43-летнему Паоло Бои, находящемуся на пике своей популярности, уже изрядно наскучили шахматы, и он решил посвятить себя карьере военного. Во время Кипрской войны (из-за которой Руй Лопес не смог вовремя отплыть в Перу) он поступил на военную службу Королевства Сицилии и в составе абордажных команд участвовал в героическом сражении при Лепанто¹⁴. В кровопролитном бою, где море и

¹⁴ **Битва при Лепанто** – морское сражение, произошедшее 7 октября 1571 года в Патрасском заливе между флотами Священной лиги (коалиции католических государств) и Османской империи. Кроме моряков в состав флота Священной лиги входили абордажные команды из 12 тыс. итальянцев (в их числе Паоло Бои), 5 тыс. испанцев (в их числе будущий автор «Дон Кихота» Мигель Сервантес) и др. Битва при Лепанто стала крупнейшим морским сражением XVI века, доказавшим европейцам, что непобедимых доселе турок можно побеждать.

огонь сливались в единое целое, *Сиракузец* отчаянно палил из своей аркебузы. Несколько раз в пылу рукопашной схватки он оказывался за бортом, бросал своё оружие, подплывал к ближайшему судну, взбирался на палубу, поднимал чью-то окровавленную шпагу, мушкет или пику и снова бросался в атаку. Лишь чудом оставшись в живых, Паоло Бои решил, что воевать куда лучше на шахматной доске, и, переждав с армией суровую зиму, в 1572 году пересёк Адриатическое море и поселился в Венеции.

В Венеции в то время все говорили лишь о Розе Линори – красивой двадцатилетней девушке, которая в угоду больному отцу посвятила себя изучению шахмат. Старик-отец не выходил из дома, но когда-то слыл сильным игроком среди венецианцев – чтобы отец с ней не скучал, Роза брала шахматные уроки у мастеров и постоянно практиковалась. К счастью для Паоло Бои, его имя было хорошо известно синьору Линори, и он счёл за великую честь принять у себя такого гостя. *Сиракузец* с лёгкостью одолел старика, а вот с Розой сыграл лишь вничью: он был так очарован молодой венецианкой, что, сидя напротив неё, не мог толком следить за игрой. Любовь, поселившись в сердце Бои, путала все мысли у него в голове: его комбинации распadaлись, а атаки рушились. В какой-то момент он даже стал проигрывать девушке. Синьор Линори наблюдал за их партиями с восхищением и гордостью – он наслаждался тем, как его дочь громила величайшего игрока Италии. Старик не замечал, как Бои каждый

день подкладывал Розе под шахматную доску свои любовные сонеты, которые сочинял ночи напролёт. Когда именитый гость уходил, Роза тайком пробиралась в игровую комнату и тихонько доставала из-под доски заветное письмо. Так продолжалось несколько дней, пока однажды сонет, озаглавленный «Шах и мат любви» (*итал.* «*Lo scaccomatto dell amore*»), не попал в руки отца. Синьору Линори очень нравился Паоло Бои, но честь своей дочери и своего благородного дома он ценил куда больше – двери перед влюблённым *Сиракузцем* навсегда закрылись.

Залечивая раны разбитого сердца, Паоло Бои ещё много потом путешествовал по Италии, пока однажды до него не дошли слухи о некоем талантливом игроке по прозвищу *Мальши*, который победил всех мастеров в его «Шахматной академии». Так осенью 1574 года 46-летний Паоло Бои отправился в Неаполь, чтобы впервые встретиться там с 32-летним Джованни Леонардо.

4

Джованни Леонардо Ди Бона родился в 1542 году на самом юге Италии в местечке Кутро (Калабрия). Ещё в юности родители отправили своего отпрыска изучать право в Рим, где Джованни познакомился с шахматами и увлёкся этой игрой. В Леонардо чувствовалось огромное дарование, и вскоре он стал одним из сильнейших шахматистов Рима, прославив «*Мальшиом*» Джованни. Ему нравилось это прозвище – он гордился своей молодостью и ощущал превосходство

всякий раз, когда разделял за доской очередного опытного и умудрённого сединами игрока. Он наслаждался славой «талантливового юнца» вплоть до 1560 года, пока его самолюбию не был нанесён первый удар. Как мы помним, в этот год в Рим приехал испанский маэстро Руи Лопес и без труда разгромил Джованни в двух партиях подряд. *Мальши* серьёзно расстроился после своего поражения, однако со временем понял, что уступить в матче такому сильному игроку было не зазорно. Он продолжил практиковаться в игре, штудировал учебник Дамиано, и вскоре к нему вернулись прежние самоуверенность и задор. Он снова стал «лучшим игроком Рима» и к своему тридцатилетию уже успел позабыть этот неприятный эпизод.

В 1572 в Рим снова приехал Руи Лопес – что за прекрасный повод для амбициозного молодого игрока свести счёты с постаревшим маэстро! Однако одних амбиций для победы оказалось недостаточно: Леонардо ждали две ничьих и сокрушительное поражение, приправленное, будто солью в открытую рану, язвительным комментарием испанца по поводу его прозвища: «... ты так и остался *мальшом*...» Из предмета многолетней гордости прозвище *Мальши* превратилось теперь для него в клеймо позора. Пылкая душа калабрийца не вынесла такого унижения, и он сбежал из Рима в Неаполь к своему дяде.

Горько и с отвращением переживая проигрыш, Джованни провозгласил своей главной жизненной целью добиться

высочайшего уровня игры и отомстить обидчику за шахматной доской. В течение двух лет он совершенствовал своё мастерство в «Неаполитанской шахматной академии», немало времени уделяя разбору ошибок, допущенных им в партиях против Лопеса. К 1574 году Леонардо своей блестящей игрой вновь заслужил звание «лучшего игрока» – теперь уже Неаполя. Иногда шахматисты пытались поддеть его, по-прежнему называя *Мальшом*, но он, смилив свой пыл, перестал обращать на это внимание, отвечая на все оскорбления лишь своими победами.

В один из дней в шахматной академии Джованни Леонардо играл с самим принцем Фабрицио II. У принца на доске было на первый взгляд безнадёжное положение, но он мог бы красивым трудным манёвром добиться ничьей. Принц не нашёл этой возможности, сдав партию. Леонардо хотел показать Фабрицио II, как следовало играть, но тут в их разговор вмешался один из зрителей и сам показал принцу правильные ходы. «Вы, наверное, Паоло Бои – лучший игрок Сицилии?» – сразу же догадался Леонардо. «Иначе меня не называли бы *Сиракузец*,» – отвечал ему Бои. – «Я специально приехал в Неаполь, чтобы помериться силами с тем, кого называют *Мальши*». Принц Фабрицио II Джезуальдо немедленно благословил этот поединок и занял с супругой лучшие места в зрительном зале. Шахматистов окружила толпа, и все стали заключать пари на большую ставку.

Соперники разыгрывали партию за партией, почти все на-

чиная с королевского гамбита. Стиль Паоло Бои отличался удивительной быстротой и стремительностью, Леонардо же, напротив, играл не спеша и более вдумчиво. Их соревнование продолжалось три дня. Все шахматисты Неаполя съехались посмотреть на единоборство великих соперников, но ни тому, ни другому не удалось добиться перевеса: и Бои, и Леонардо победили в равном количестве партий, и ещё много свели вничью. Фабрицио II был в полном восторге от матча и повелел продлить соревнование на четвёртый день, однако *Мальши* сильно устал от этой бесконечной ничьей, от академии, толпы зрителей и хотел уже поскорее оказаться в родном Кутро, куда как раз отходил из порта Неаполя подходящий корабль. Зная, что принц не отпустит его, он тайно на рассвете покинул город и отправился домой.

5

В родительском доме Леонардо ждал праведный гнев отца: он корил и бранил сына за то, что тот бросил учёбу в Риме и попал под власть азартных игр. Никакие доводы не могли переубедить старика, пока не случилось несчастье: турецкие корсары взяли в плен нескольких жителей Кутро, в том числе младшего брата Леонардо, и установили немалый размер выкупа за каждого захваченного ими христианина. *Мальши* вместе с другими горожанами отправились на вёсельных лодках к пиратскому кораблю выкупать родственников. Турецкий капитан Раис назначил за юношу сумму в 200 дукатов. И вот, когда Леонардо уже потянулся за кошельком,

чтобы отсчитать разбойникам деньги, он краешком глаза заметил на корме клетчатую доску. Раис внимательно проследил за взглядом калабрийца и спросил, умеет ли тот играть в шахматы. Леонардо ответил утвердительно и предложил сыграть с капитаном на деньги: 50 скудо за партию. Раис считал себя превосходным игроком и тотчас же согласился, но в итоге проиграл калабрийцу не только весь выкуп за брата, но и ещё 200 дукатов сверху. Пиратский капитан предложил Леонардо отправиться вместе с ним в Константинополь и там зарабатывать огромные деньги, играя на ставку с местными купцами, но *Мальши* любезно отказался, взамен научив Раиса нескольким своим приёмам и ходам. Когда Джованни вернулся домой с братом и деньгами, отец был в немом восторге: ему пришлось смириться с сыновним выбором профессии и признать удивительную силу шахмат.

Пробыв в родной деревне ещё несколько дней, Леонардо попрощался со всеми и собрался в дорогу. Перед отъездом из Кутро он зашёл в церковь Благовещения, где долго молился, стоя на коленях перед статуей Благовещения Девы Марии, прося Мадонну помочь ему отомстить священнику Руи Лопесу. Ища встречи с ним, Джованни отправился в Мадрид. На корабле, плывшем в Испанию, он познакомился и подружился с 24-летним Джулио Чезаре Полерио – молодым шахматистом и искателем приключений из Абруццо, который вызвался сопровождать *Мальшиа* в его славном «крестовом походе» против испанской шахматной гегемонии. Себе

же Джулио Чезаре отводил роль странствующего «менестреля-оруженосца», слагающего легенды¹⁵ о славных подвигах своего «рыцаря».

Двое друзей сошли с корабля в порту Генуи и решили ненадолго задержаться в городе. Расспросив местных игроков, они узнали, что главным шахматным местом у них считается особняк одного знатного синьора по имени Джорджио. Тот оказался очень любезным и приятным в общении пожилым господином, который, однако же, совершенно не умел играть в шахматы. Всё дело было в том, что древней игрой увлекались его жена и единственная дочь Симонетта – чтобы угодить им, синьор Джорджио регулярно собирал у себя в доме талантливых игроков, которые скрашивали досуг его дамам. Кроме того, для хозяина было немаловажно приглашать в дом именно шахматистов, т.к. его капризная молодая дочь заявила, что выйдет замуж лишь за того, кто сможет её обыграть. Леонардо провёл несколько дней в доме у синьора Джорджио, победив всех местных игроков, в том числе и его дочь. Поражённый красотой, обаянием и талантом этой юной особы, Джованни понял, что влюбился. Он испытывал сильнейшую в жизни любовную страсть, которая оказалась взаимной. Симонетта с наслаждением слушала его истории о Риме, о «Шахматной академии» в Неаполе, о пи-

¹⁵ На протяжении всего путешествия **Джулио Чезаре Полерио** (1548-1612) вёл записи шахматных партий Леонардо и других выдающихся современников, которые позднее стали основой его знаменитой рукописи (т.н. «Кодексов», 1584-94 гг.).

ратах.

Он поцеловал её однажды вечером, тайком в саду, когда они стояли, укрывшись в тени виноградника, а Полерио в доме в это время отвлекал её отца. Леонардо назвал девушку своей невестой и, глядя в искрящиеся глаза возлюбленной, поклялся жениться на ней. Он пообещал сыграть с ней свадьбу согласно новому красивому и торжественному церемониалу¹⁶, о котором слышал в Риме: со свидетелями, взаимными клятвами и обменом кольцами. Однако Джованни добавил, что прежде, чем они обвенчаются, он должен победить в шахматной дуэли своего главного врага и обидчика – испанца Руи Лопеса. Только так он сможет восстановить свою честь и достоинство. Лишь вернувшись в Геную победителем, доказавшим всему миру, что он «лучший из лучших», ему будет не стыдно просить руки и сердца такой прекрасной дамы. Кроме того, он был относительно беден, и благородный синьор Джорджио мог с лёгкостью отказать такому жениху – поэтому помимо славы Леонардо планировал привезти из Испании ещё и богатство. Влюблённые обменялись клятвами верности. Симонетта пожелала Леонардо удачи и пообещала ждать, сколько потребуется. Окрылённый благословением любимой женщины, *Мальши* той же но-

¹⁶ На XIX Вселенском соборе Католической церкви, проводившемся в 1545-1563 гг. в Тренте (также известном как Тридентский собор) было принято много важных догматических постановлений, касающихся, прежде всего, формата проведения таинств. В частности именно с тех пор таинство венчания приобрело более или менее знакомый нам вид.

чью собрал необходимые вещи и на рассвете отправился в Мадрид. Он приказал своему верному другу Джулио Чезаре остаться в Генуе в качестве посыльного, чтобы у него была возможность поддерживать переписку с невестой¹⁷.

Из Генуи через Марсель Леонардо попал в Барселону, где встретил двух своих соотечественников: шахматных игроков Томмазо Капуто и синьора Джованни Родригеса. Капуто давно переехал из Неаполя в Испанию и не только хорошо знал местные традиции, но и в совершенстве владел испанским языком, а поскольку они вместе с Родригесом как раз направлялись в Мадрид, то он вызвался стать проводником *Мальши* в этом путешествии. Но сперва его новые друзья попросили Леонардо помочь им проучить одного бесчестного барселонского игрока по прозвищу *Мучачо*¹⁸: притворившись неопытным шахматистом и используя другие уловки, он выиграл у синьора Родригеса большую сумму денег. Калабриец пришёл в негодование, узнав, что человек, одарённый талантом, позорит благородное искусство шахматной игры. Друзья тщательно обговорили все детали сложного, но изящного плана мести, после чего синьор Родригес на-

¹⁷ В XVI веке по законам куртуазности (от фр. *courtois* «вежливый, любезный») мужчина не имел права присылать письма женщине, не являясь её мужем, поэтому для интимной переписки требовался «связной», который был бы вхож в дом к адресату и тайно передавал послания.

¹⁸ El muchacho с испанского переводится как «парень/юноша», т.е. прозвище шулера из Барселоны было полной аналогией прозвища самого *Мальши* – *Puttino*.

правился в дом к *Мучачо*.

Испанский шулер был удивлён столь скорым возвращением обманутого им игрока. Родригес объяснил ему, что встретил в городе богатого неаполитанца, которого захотел обыграть в шахматы, дабы возместить свои убытки. У Родригеса не было подходящего места, где бы можно было это осуществить, и он просил *Мучачо* сдать ему в аренду свой дом. Испанец согласился. Тогда Капуто и Родригес стали каждый день в одно и то же время приводить к нему под видом неаполитанского купца *Мальшиа* и регулярно обыгрывать его по 50 скудо за партию. В один из дней *Мальши* пришёл к *Мучачо* на несколько часов раньше обычного и сидел, скучая, у него в гостиной. Испанец, конечно же, решил воспользоваться такой возможностью и предложил скоротать время ожидания за партией. Леонардо долго отказывался, но потом всё-таки согласился. Когда в дом пришли и показушно взбесились Капуто с Родригесом, *Мучачо* успокоил их обещанием поделиться выигрышем. Проигрывая партию за партией, «иностраннный купец» наконец вскочил со словами, что ему надоело так играть: «Дома в Неаполе я привык играть по 100-150 скудо за партию! Из-за таких маленьких ставок я не могу толком сосредоточиться!» К удовольствию алчного испанца, ставка была увеличена. Когда Леонардо проиграл *Мучачо* уже 500 дукатов, он неожиданно предложил поднять ставку ещё в несколько раз. Соперник снова согласился, но, к его сожалению, последовали ничьи, а затем и поражение.

ния. Используя своё мастерство, *Мальши* старался обыграть испанца так, чтобы тот ничего не заподозрил и каждый раз думал, что упустил победу по глупости или из-за одного неверного хода. За несколько дней отыграв свои деньги и ещё 700 скудо сверху, Леонардо, Капуто и Родригес навсегда покинули дом *Мучачо*, оставив ему записку о том, что «*даже опытный рыбак иногда становится рыбкой*». Также в письме друзья указали, что направляются в Мадрид, и если испанец наберётся достаточно смелости, то он сможет найти их там и попытаться отыграть свои деньги обратно в честной борьбе.

6

В начале августа 1575 года Леонардо с друзьями добрались наконец до столицы Кастилии – Мадрида. Они остановились на постоя у знакомой синьора Родригеса – донны Изабеллы, весело вспоминая, как во время путешествия их хотел обыграть хозяин одной из придорожных гостиниц, но в итоге проиграл троице больше, чем они заплатили за ночь.

На следующий день 33-летний Джованни Леонардо по прозвищу *Мальши* отправился в центр города на поиски своего заклятого врага – 45-летнего Руи Лопеса. Родригес и Капуто быстро помогли ему отыскать место, где обычно собирались лучшие игроки Мадрида – среди них Леонардо увидел и Лопеса. Старый священник степенно сидел, скучая за партией с каким-то любителем. Леонардо будто пробила молния – здесь и сейчас должна решиться его судьба! Он

приблизился к шахматному столу, представился и настойчиво предложил сыграть с ним партию. Лопес, оторвав взгляд от доски и слегка сощурившись, внимательно оглядел незнакомца, признав в нём итальянца, с которым когда-то играл. «Как же, как же... Помню... Кажется, вас называли *Мальшом* из Рима?» – священник язвительно улыбнулся, – «Могу предложить вам фору: пешку и ход». Снова унижительная насмешка от испанца, но Леонардо пропустил её мимо ушей. Он отвечал: «Я проделал долгий путь в Мадрид, только чтобы сразиться с Вами в равном поединке. Я предлагаю сыграть по 50 скудо за партию». *Мальши* был решителен и дерзок – Родриго Лопес почувствовал, что перед ним стоял уже не тот игрок, с которым он имел дело три года назад. Обговорив ещё несколько важных условий, касающихся рокировки и других правил, они приступили к игре.

Спустя час Лопес всё никак не мог одолеть противника. Используя всю свою изобретательность и умение, испанец старался добиться в партии хоть какого-то материального перевеса, хоть где-то отыскать лазейку для контратаки, но борьба до самого конца оставалась равной. Игра закончилась ничьей. То же самое случилось и на следующий день. И через день. Однако в то время как Лопес напрягал все свои силы для победы, Леонардо, напротив, играл расслабленно – он спокойно изучал манеру игры противника, внимательно присматриваясь к его излюбленным ходам и тактике. Даже когда на доске создавалась выигрышная для *Мальши* ситу-

ация, он нарочно не делал матовых ходов, сводя игру к ничьей. Он приехал в Мадрид не просто для победы – он жаждал отмщения. Каждый день, наблюдая за жалкими игровыми потугами священника, Леонардо думал лишь о том, как сделать свою месть изощрённее, пока сама судьба вдруг не подсказала ему решение.

Несколько придворных господ были свидетелями борьбы Леонардо с Лопесом и рассказали об этом королю. Филипп II сперва отказывался верить, что кто-то мог играть с Лопесом на равных, но так как все единогласно утверждали, что приезжий не проиграл ему ни одной партии, то монарх захотел лично убедиться в искусстве итальянца. Было решено провести небольшой турнир «до трёх побед» в новой резиденции короля – монастыре Эскориал¹⁹. В южной части комплекса, в одном из просторных залов дворца были оборудованы игровой стол и зрительные места для монаршей семьи и придворной знати.

Мальши Джованни – простой паренёк из далёкой калабрийской деревни – был ошеломлён и подавлен грандиозностью Эскориала. Хоть ему и доводилось до этого бывать

¹⁹ В 1561 году Филипп II перенёс столицу Испании в Мадрид, а в 1563 году начал строительство Сан-Лоренсо-де-Эль-Эскориала – многофункциональной королевской резиденции, задуманной как нечто среднее между монастырем, дворцом, семейной усыпальницей и музеем. Строительство Эскориала длилось с 1563 по 1584 год – король принимал активное участие в осуществлении проекта дворцового комплекса, который расположился в часе езды от Мадрида у подножия гор Сьерра-де-Гвадаррама. На момент проведения шахматного турнира некоторые корпуса Эскориала ещё находились на этапе строительства и отделки.

во дворце Неаполя, но такого архитектурного величия он не мог себе даже вообразить. Внешняя строгость и лаконичность фасада из светлого песчаника контрастировала с богатым убранством внутренних помещений, которые были украшены фресками и картинами, антикварными редкостями и скульптурами. В одном из таких прекрасных залов, в окружении картин Тициана и Босха, шахматисты собирались начать игру.

Руй Лопес, в отличие от Леонардо, не был смущён роскошью дворца – он был частым гостем в Эскориале. Священник всерьёз рассчитывал, что молодой итальянец, с таким восторгом и жадностью разглядывавший всё вокруг, будет чувствовать себя здесь «не в своей тарелке». Кроме того, чтобы сбить соперника с толку, хитроумный Лопес позаботился и о других вещах: он распорядился, чтобы Леонардо приготовили неудобный стул, а ему – комфортабельное кресло, в котором можно было провести за игрой много часов; шахматный стол установили так, чтобы итальянец сидел напротив окна, и солнце во время заката светило бы ему прямо в лицо. Ещё Лопес подговорил мажордома, чтобы тот незаметно натёр плащ *Мальшиа* любимым лакомством щенков инфанты Изабеллы²⁰ – собаки повсюду следовали за

²⁰ **Изабелла Клара Евгения** (1566-1633) – любимая дочь Филиппа II от его третьей жены Елизаветы Валуа, которая умерла через два года после родов. Король называл дочь утешением своей старости и светом своих глаз. Она помогала ему в ведении государственных дел, приводила в порядок его бумаги, читала ему вслух наиболее важные послания и переводила на испанский донесения из

хозяйкой и во время игры обязательно заинтересовались бы знакомым запахом, исходящим от итальянца. Собаки стали бы обнюхивать его и вертеться под ногами, мешая сделать ход.

Леонардо даже не догадывался о макиавеллиевских кознях соперника, и был абсолютно уверен в своём превосходстве. Уже несколько дней назад, нарочно играя с Руи Лопесом ничейные партии, он убедился в своих силах и теперь, на глазах у монарха, готов был отомстить своему обидчику. План Леонардо был изысканен и прост: дать испанцу победить в двух партиях подряд, расслабить его, подарив ложную уверенность и надежду, а затем полностью разгромить.

После небольшой церемонии король Филипп II приказал шахматистам начать игру, заявив, что победитель получит от него 1000 скудо. Спустя какое-то время *Мальшиу* Джованни открылись все ухищрения Лопеса: он обратил внимание и на собак, покусывающих его плащ, и на неудобный стул, и на заходящее солнце. «Что ж...» – подумал он, – «Так испанцу будет ещё легче поверить в своё всемогущество.» Леонардо делал откровенно слабые ходы и быстро проиграл первую партию. Во второй он неудачно разыграл дебют и дал себя замотовать уже на 15-ом ходу. Руй Лопес торжествовал – до по-

Италии. Последние три года до смерти Филиппа II Изабелла ухаживала за своим тяжело больным отцом, который страдал приступами лихорадки и подагрой. Во время турнира в Мадриде инфанте Изабелле было всего 9 лет, хотя художник Луиджи Муссини на своей известной картине «Шахматный турнир...» изобразил её взрослой женщиной.

беды и звания «лучшего игрока Европы» ему оставалась всего одна партия. Тихо улыбался и Леонардо: вот-вот должны были грянуть фанфары его мести. Но в этот самый момент едва не произошло непоправимое. Со своего места поднялся король и, сказав, что этот итальянец не в состоянии играть с великим Лопесом, хотел удалиться из зала. Леонардо в отчаянии бросился к его ногам и сказал: «Ваше величество, остановитесь! Я уверен, что гораздо сильнее своего соперника и проиграл две партии намеренно, как и 15 лет назад, когда мы с ним впервые встретились в Риме. Я готов поклясться собственной жизнью, что непременно выиграю в следующих трёх партиях и докажу всем, что я лучший!» Слова темпераментного калабрийца произвели должное впечатление на монарха: он остался и продолжил с интересом наблюдать за игрой. А вот Руи Лопес после тирады *Мальшиа* едва заметно побледнел. Его беспокойство усилилось, когда Леонардо вдруг отставил подальше свой неудобный стул и сбросил на него натёртый собачьим лакомством плащ. Чтобы солнце не светило ему в глаза, он стал во время хода соперника лениво прохаживаться по залу, рассматривая картины, и лишь иногда возвращался к доске, чтобы мгновенно сделать ход.

Мастерство *Мальшиа* было действительно великолепно. Лопес понял, что время его славы навсегда прошло и на шахматном Олимпе появился теперь новый герой. Он проиграл все три партии подряд и, с достоинством встав из-за стола, тихо поаплодировал новому чемпиону. Филипп II

был изумлён: он велел выдать калабрийцу 1000 скудо, подарил ему одну из королевских горностаевых мантий, золотую брошь в виде ящерицы, инкрустированную бриллиантами, и спросил, не желает ли тот чего-то ещё. Джованни Леонардо вспомнил о своей родине: он попросил короля освободить Кутро на год от выплаты всех налогов. Филипп II улыбнулся патриотизму калабрийца: за такой благочестивый порыв он приказал освободить Кутро от выплат не на год, а на целых 20 лет! Кроме того, высочайшим указом короля родной деревне шахматиста отныне был присвоен статус «города».

7

Филипп II был так восхищён игрой Леонардо, что повелел вызвать ко двору другого легендарного испанского шахматиста – Альфонсо Серона. 40-летний Серон в то время служил настоятелем в скромной церквушке недалеко от Мадрида. После того, как 10 лет назад он уступил первенство Лопесу, его священническая карьера быстро сошла на нет. Позже он попытался вернуть себе ускользнувшую славу, написав собственный трактат о шахматах²¹, но в итоге не смог собрать достаточно денег для его издания – богатые меценаты отказывали ему, полагая, что побеждённый Лопесом игрок не мог создать учебник лучше того, который написал сам Лопес. Отчаявшись, Серон оставил шахматы, поклявшись ни-

²¹ Книга Серона «*De latrunculorum ludo или Об игре в шахматы*» была издана через сто лет после смерти автора в Риме в 1673 году, но популярностью не пользовалась и после этого не переиздавалась. Ни одного оригинального экземпляра книги до наших дней не сохранилось.

когда больше не садиться за доску, однако приглашение короля на мадридский турнир заставило его передумать. Пламя былых надежд вспыхнуло в нём вновь, и, поспешно бросив свою паству, он направился напрямиком в столицу.

Прибыв на следующий день в Эскориал, Серон сыграл с итальянцем несколько партий на тех же условиях, что и Лопес, но все проиграл. Без тени злорадства Леонардо предложил двум почтенным игрокам объединить свои усилия в матче против него. Лопес и Серон согласились. Испанские аристократы стали заключать значительные пари на победителя в этом необычном соревновании. Но *Мальши* и здесь одержал лёгкую победу, а его друзья и спутники Родригес и Капуто выиграли крупные суммы денег, поставив на него.

Торжество Леонардо не знало предела: он отомстил, разбогател и прославился. Чего ещё было желать безродному шахматисту из Кутро? Теперь он был готов вернуться в Геную к своей невесте и, заткнув рот синьора Джорджио выигранными деньгами, наконец-то жениться. Раскланиваясь перед зрителями после своей феноменальной победы, *Мальши* увидел вдруг в толпе знакомый взгляд. Это был Паоло Бои! Леонардо сердечно приветствовал его и представил местной знати как выдающегося итальянского игрока, но *Сиракузец* – человек гордый, завистливый и свирепый – хмуро выслушав любезности, твёрдо произнёс: «Несколько лет назад вы посмели оставить матч со мной недоигранным, а теперь на глазах у Его Величества смеете объявлять себя лучшим иг-

роком в Европе? Я немедленно вызываю вас на поединок, который и решит судьбу шахматной короны!» После дерзких слов сицилийца Леонардо не осталось ничего другого, кроме как принять вызов. Матч был назначен на следующее утро.

В смятённых чувствах Джованни возвращался домой к донне Изабелле. Каково же было его удивление, когда у самой двери он встретил своего верного друга Джулио Чезаре Полерио! Пряча взгляд и сдерживая слёзы, Полерио сообщил *Мальшину*, что его невеста в Генуе умерла. Весь прежний мир рухнул для Леонардо в одночасье. Раздираемый жесточайшим горем, он проплакал всю ночь, и никто не был в силах его утешить. Он уехал из Генуи, чтобы вернуться туда «Великим», достойным своей возлюбленной, но, обретя желанную славу, он навсегда потерял Симонетту. Своё отмщение он ставил выше любви, и злой рок покарал его за это.

Джулио Чезаре не знал, как она умерла. Он лишь слышал, что в один из дней дочери синьора Джорджио стало плохо, и она скоропостижно скончалась. По городу ходили слухи, что на смертном одре она призналась исповеднику, что тайно обручена и что «... Небесам оказалось угодно разорвать наш земной контракт...» Разгневанный отец, узнав имя её возлюбленного, поклялся убить его, если тот посмеет когда-нибудь явиться в Геную. Он обвинял Леонардо в бесчестии и считал, что его единственная дочь умерла от тоски по нему. Услышав всё это, Полерио немедленно отправился в Мадрид, чтобы рассказать обо всём другу. Никто так и не узнал,

что в смерти девушки были повинны не Небеса, не тоска по любимому, а обыкновенная человеческая зависть, ведь она была отравлена... Паоло Бои.

8

В тот день, когда год назад Леонардо не явился на продолжение матча с Бои при дворе принца Фабрицио II в Неаполе, *Сиракузец* был в бешенстве. Никто не смел с ним так поступать! Зрители и игроки пытались успокоить темпераментного сицилийца, но всё было напрасно: его сердце требовало вендетты. Так, необдуманно прервав партию с Бои, *Мальши* сам из одержимого жаждой мести «рыболова» превратился в преследуемую повсюду «рыбку»: всё произошло именно так, как он сам же и написал в письме барселонскому шулеру *Мучачо*. Паоло Бои рыскал в поисках своего кровного врага по всему итальянскому северу, справедливо считая, что на юге выдающемуся шахматисту делать нечего. Он посетил Рим, Флоренцию и другие города, пока, наконец, не оказался в Генуе.

В столице Генуэзской республики он, как и Леонардо незадолго до этого, нашёл шахматную жизнь в особняке сеньора Джорджио, где и познакомился с отцом семейства и его несравненной дочерью Симонеттой. Потерпев любовное фиаско в Венеции с Розой Линори, Паоло Бои решил попытать счастья здесь. Однако в этот раз он не мог незаметно подкладывать письма молодой девушке под шахматную доску, т.к. в доме было слишком много гостей и ему не всегда

удавалось оказаться с Симонеттой за одним столом. Для доставки «любовной почты» Бои пришлось подкупить прислугу. Он рассчитывал своими сонетами вызвать у генуэзски ответное чувство, но та никак не реагировала на излияния *Си-ракузца*, а через несколько дней и вовсе отказалась садиться с ним играть. Паоло Бои не понимал, в чём дело, и настойчиво требовал от девушки ответа. В отчаянии она через свою служанку сообщила, что обручена уже с лучшим игроком Италии – великим Джованни Леонардо – и ждёт его триумфального возвращения из Мадрида, где он должен был победить известного испанского священника. Это стало двойным выстрелом в сердце Паоло Бои: мало того, что его соперник, в обход него, рвался к шахматному Олимпу в Испании, так ещё и в амурных делах он превзошёл его. Ни один потомственный сицилиец не был способен вынести такого позора. Он решил, во что бы то ни стало, разрушить «семейное» счастье Леонардо, отравив его возлюбленную.

Паоло Бои давно наблюдал за несчастной девушкой и хорошо знал, что каждый день во время обеда синьор Джорджио заставлял её выпивать бокал горячего красного вина – старик считал это верным средством, чтобы дочь не заболела чахоткой²². Бои смог отвлечь лакея, нёсшего госпоже бокал с вином, и незаметно подсыпал в него яд из заветного пузырька. Этот пузырёк с порошком белого цвета без запаха и вкуса он выиграл когда-то в шахматы у одного венецианского гер-

²² **Чахоткой** (от слова «чахнуть») в Средние века называли туберкулёз лёгких.

цога²³, который не мог расплатиться за свой проигрыш в 500 скудо. Кроме яда, в уплату долга, герцог ещё предлагал Бои плитку лемносской глины²⁴ – по его словам, единственного средства, которое могло спасти от отравления. *Сиракузец* тогда с сомнением отнёсся к такому предложению – деньги он ценил больше – но, подумав, всё-таки согласился. И вот теперь, когда зависть и злость застлали ему глаза, он прибегнул к услугам смертельного средства. Порошок мгновенно растворился в горячем вине, не оставив никаких следов. Паоло Бои не стал дожидаться агонии девушки и немедленно отправился вдогонку за *Мальшом* Джованни в Мадрид.

Джулио Чезаре Полерио бывал в особняке у синьора Джорджио отнюдь не каждый день, и о скоропостижной кон-

²³ В XV-XVII веках во Флоренции и Венеции существовали целые «фабрики яда», активно спонсируемые государственным аппаратом. Отравления в то время занимали первое место по числу политических убийств в Европе. В этом деле так прославились венецианские дожи, что в Англии XVI века даже возник локальный термин: вместо «травить» использовали слово «итальянить». Самыми высокоэффективными ядами в то время были вещества, синтезированные на основе сульфидов или оксидов мышьяка и сулемы.

²⁴ **Лемноская глина** (*terra lemnica* или *terra sigillata*) – земля, состоящая из кварца, кремнезёма, силикатов алюминия и глинозёма с греческого острова Лемнос. Такая глина считалась целебной ещё с древнейших времён и в Средневековье была единственным реально действующим средством от отравлений, благодаря своему абсорбирующему эффекту: частицы кремния из глины связывались с металлами в ядах (мышьяк, ртуть, свинец), впоследствии выводя их из организма и не давая полностью раствориться в кровотоке. Чтобы защитить драгоценное лекарство от фальсификации, на плитках целебной глины ставили штамп, означающий место происхождения – отсюда второе название *sigillata* (лат. «запечатанная»).

чине невесты Леонардо он узнал лишь из слухов, которые мгновенно разлетелись по Генуе. В городе его больше ничто не держало, и с плохими вестями он отправился в Испанию. Случилось так, что он оказался на одном корабле с Паоло Бои – в порту им обоим пришлось несколько дней дожидаться свободного судна. Лицо *Сиракузца* показалось Полерио знакомым – он видел его мельком пару раз среди гостей синьора Джорджио, но так и не смог вспомнить. Благополучно добравшись до столицы Кастилии, Джулио Чезаре Полерио отправился на поиски дома донны Изабеллы, где, судя по письмам, остановился его друг Джованни, а Паоло Бои обратился с расспросами к местной шахматной элите, вскоре узнав, где именно проходит матч между Леонардо, Лопесом и Сероном.

Решительный и строгий *Сиракузец*, представ перед *Малышом*, на глазах у изумлённых зрителей потребовал у него немедленной сатисфакции. Весь Мадрид «болел» шахматами в те дни: сперва появление итальянского выскочки; затем «падение» великого Лопеса; возвращение уже всеми забытого, но легендарного Серона... И вот, не успела ещё испанская публика примириться с новым чемпионом, как тому уже бросает вызов импозантный сицилиец! В день их дуэли собралась огромная толпа. Все ожидали появления Леонардо. Паоло Бои заметно нервничал, прохаживаясь рядом с шахматным столом – ведь калабрийца всё не было. Вдруг толпа расступилась, и к Бои вышел Томмазо Капуто. Он со-

общил собравшимся о глубокой личной драме Джованни и извинился перед всеми за отмену матча. Паоло Бои был вне себя от ярости. Он бранился, ругался и даже перевернул в пылу гнева шахматную доску, разбросав повсюду фигуры. Калабриец снова трусливо сбежал от него! Кроме того, Бои никак не мог понять, каким образом Леонардо так быстро смог узнать о смерти своей возлюбленной.

Тем временем слухи о прибытии в Мадрид ещё одного талантливого итальянского игрока дошли до короля Филиппа II, и он повелел провести во дворце новый турнир с Лопесом, Сероном и Бои. Королевское внимание на время остудило вспыльчивого сицилийца. Будучи представленным монарху, он проявил всё своё мастерство и запросто переиграл двух испанских шахматистов. За это Филипп II пожаловал Бои земли на Сицилии, которые должны были обеспечивать его стабильным доходом 500 скудо в год. Щедро обласканный королём, *Сиракузец* с удовольствием задержался в Мадриде. Он играл на ставку с испанскими игроками, мечтавшими бросить вызов знаменитому *Сиракузцу*, а также был частым гостем многих дворянских домов. Он тешил своё самолюбие, играя с баронами, маркизами и графами, ощущая себя с ними на равных.

9

В это же время на равных с королём Португалии Себастьяном I играл Джованни Леонардо. Мы помним, что он проплакал всю ночь после скорбной вести о смерти невесты,

но наутро его горе не уменьшилось – скорее наоборот. Он был так разбит и подавлен, что ни о каком соревновании с Паоло Бои не могло быть и речи. Джованни стало тошно в Мадриде. Не мог он вернуться и в Геную, боясь несправедливого преследования синьора Джорджо. Джулио Чезаре Полерио предложил ему отправиться в Португалию, надеясь, что атлантический воздух и пешие прогулки пойдут на пользу его другу. Прибыв в Лиссабон, *Мальши* несколько дней отдыхал – его душа всё ещё разрывалась от тоски по потерянной любви. В поэтическом одиночестве он то бродил по городским улицам, поднимаясь с холма на холм, то подолгу сидел на берегу реки Тежу, пытаясь разглядеть, как далеко на западе она впадает в океан. Со временем его печаль развеялась, а сердце смирилось. Леонардо завёл друзей в Португалии и снова стал играть в шахматы. После того, как он одолел всех местных игроков, ему сказали, что единственным, кто может составить ему достойную конкуренцию, является некто *Мавр*²⁵ – профессиональный шахматист, состоящий на службе у короля. По протекции одного из португальских вельмож *Мальши* был представлен Себастьяну I, который сам оказался увлечённым игроком и ценителем шахмат. Он захотел сыграть с талантливым итальянцем несколько партий.

²⁵ Термин *Мавр* (итал. *il Moro*) в XVI–XVII веках употреблялся как отличительный признак любого человека с тёмной кожей. Например, *Мавром* называли смуглого флорентийского герцога Алессандро де Медичи, родившегося от чернокожей женщины, служившей в доме прислугой. Также *Мавром* могли называть непосредственно мавританского араба, исповедующего ислам.

Несмотря на то, что Леонардо был старше короля на 12 лет, согласно придворному этикету в процессе игры ему приходилось стоять на одном колене, однако, когда партия затянулась, монарх помог ему приподняться и переменить ногу. Лично убедившись в мастерстве калабрийца, Себастьян I благословил их матч с *Мавром*, повелев созвать как можно больше зрителей.

«Лучший игрок Португалии» оказался для *Мальши* лёгкой добычей. Гордый *Мавр*, проигрывая партию за партией, становился всё агрессивнее и злее. Он требовал играть с ним ещё и ещё, всякий раз горячо убеждая короля, что уж в следующей-то партии он точно расправится с итальянцем. Когда публика стала откровенно смеяться над темнокожим игроком, Себастьян I остановил матч. За выдающуюся победу король щедро наградил Леонардо и назвал «*Странствующим рыцарем*», который путешествует по миру, чтобы доказать свои рыцарские добродетели, участвуя в шахматных дуэлях. Новое прозвище для Леонардо стало дороже всех выигранных денег.

Постепенно вернув вкус жизни и почувствовав в себе невероятную силу, *Мальши* решил, что настала пора сразиться с Паоло Бои. Проведя зиму в Лиссабоне, он в 1576 году вернулся в Мадрид, где без труда нашёл своего старого визави. *Сиракузец* потребовал немедленно и без каких-либо отлагательств сесть с ним за шахматную доску, боясь, что Леонардо опять улизнёт. Джованни скромно улыбнулся его

нетерпению и согласился играть. Борьба шла с равными для обоих противников результатами. Как Бои ни старался в тот день превзойти калабрийца, у него ничего не получилось. Ничья ждала их и во второй день. Бои призывал на помощь свой интеллект, он искал силы в злости, зависти, ненависти. Он даже умолял Мадонну послать ему победу, но всё было без толку. Закончив играть поздно вечером, Паоло Бои с тревожным чувством вернулся в свою локанду²⁶. Он смотрел с балкона на звёздное небо и думал: «Что, если и завтра я не смогу победить? Что, если *Мальши* просто сильнее меня?» Бои никогда раньше не приходила мысль, что соперник мог играть лучше него – он привык считать Леонардо жалким трусом, бегущим от битвы. Промучившись в размышлениях полночи, сицилиец твёрдо решил, что если завтра не сможет победить калабрийца, то убьёт его.

Приехав рано утром на место шахматной дуэли, Паоло Бои подкупил местного молодого лакея-виночерпия. Он передал ему пузырёк с ядом и приказал ждать от него условного сигнала: если партия будет складываться не в его пользу, то Бои подзовёт мальчишку с требованием принести им лучшего вина в Мадриде. Лакей должен будет размещать в одном из бокалов смертельную отраву и вынести вино игрокам.

²⁶ В Италии и Испании XVI века термином *Locanda* (от лат. *locare* «помещать, размещать») обозначали гостиницу, постоялый двор или частный жилой дом, сдаваемый в аренду.

Джованни Леонардо явился в приподнятом настроении. Он отлично выспался, отдохнул и был настроен на победу – прошлой ночью он явно не мучился гнетущей саморефлексией. *Мальши* уверенно переставлял фигуры, внимательно следил за ошибками соперника и в решительный момент смог поставить изобретательный, необычный по красоте мат. Это стало настоящим ударом для Паоло Бои: то, чего он так боялся, свершилось! Казалось, будто глаза его заволокла чёрная пелена. Он резким голосом потребовал лучшего мадридского вина. Через пять минут мальчишка-лакей вынес игрокам бокалы. Бои встал и, торжественно протягивая Леонардо отравленное вино, предложил выпить за его великолепную победу. Они обменялись ещё парой любезностей и осушили бокалы. Бои с наслаждением наблюдал за каждым глотком калабрийца. Он предложил сыграть ещё одну партию. Расставив фигуры, игроки стали делать первые ходы, как вдруг...

Паоло Бои стало плохо. Он почувствовал тошноту и лёгкую боль в животе. С остервенением оглянувшись на виночерпия, Бои всё понял: глупый мальчишка перепутал бокалы! В этом отчасти был виноват и сам Бои: он плохо говорил по-испански, а лакей вовсе не знал итальянского. Когда мальчишка спросил Бои, что это за порошок, он решил не посвящать лакея в детали своего коварного плана и вместо знакомого испанскому уху слова «яд» (итал. «*veleno*» – исп. «*veneno*») произнёс: «...порошок для моей победы». В

ходе путаных объяснений знатного сеньора с его ужасным сицилийским акцентом, паренёк решил, что это волшебное снадобье, вроде тёртого рога единорога, о котором рассказывала ему бабушка. И, видимо, сеньор хотел выпить тайком это снадобье, чтобы получить сверхъестественные силы и выиграть у другого сеньора много денег. Таким образом, лакей добросовестно исполнил пожелание знатного господина, вручив ему отравленный бокал.

Сиракузец вскочил из-за стола и, сославшись на плохое самочувствие, бросился к лошади. Он гнал во весь опор – плитку с целебной глиной он, как назло, оставил сегодня у себя дома в сундуке. Всё нутро его горело, живот сводило от нестерпимой боли – он чувствовал то, что пришлось пережить в последние часы своей жизни несчастной возлюбленной Леонардо, которую он отравил. У Бои начало путаться сознание. Он с трудом правил лошадью – ему повезло, что животное хорошо знало дорогу и быстро доставило его к локанде. Из последних сил взлетев по лестнице на второй этаж, сицилиец бросился на колени перед сундуком, судорожно шаря среди вещей в поисках заветного противоядия. Не зная, сколько глины нужно использовать, он проглотил всю плитку целиком, почти не разжевав. Хозяйка локанды услышала страшный крик своего постояльца с верхнего этажа и поднялась к нему – тот валялся на полу в страшных муках. Хозяйка взяла на себя уход за больным: отпаивала его супами и целебными травами, какие знала сама, убирала за

ним рвоту и понос. Несколько дней он пролежал в бессмятстве, находясь на грани жизни и смерти, но крепкий организм, забота хозяйки, а главное вовремя проглоченная глина сделали своё благое дело. Бои выжил, хотя до самого конца жизни боли в желудке и проблемы с мочеиспусканием, полученные в результате отравления, давали о себе знать. Если бы плитку с лемносской глиной он всегда предусмотрительно держал при себе, таких последствий, возможно, удалось бы избежать.

Как только *Сиракузец* пришёл в себя, его первым же вопросом было: «Где Джованни Леонардо?!» Хозяйка локанды не понимала его и думала, что постоялец всё ещё бредит. Только спустя несколько дней через лакея-посыльного Бои узнал, что *Мальши* после победы в матче вместе с компанией друзей отправился домой в Италию. Бои хотел немедленно броситься за ним в погоню, но сил не хватало даже на то, чтобы встать с кровати. Единственным смыслом жизни для него стало теперь расквитаться с ненавистным Джованни. Он долго восстанавливался и приходил в себя, и только в начале лета смог отправиться в путь.

10

Через несколько дней Паоло Бои был уже в Барселоне, где ему удалось сесть на небольшое судно, идущее в Неаполь. Но планам сицилийца на скорое возвращение в Италию не суждено было сбыться – едва корабль отплыл из порта, как

в Лионском заливе на него напали берберийские пираты²⁷. Две разбойничьи галеры быстро настигли судно и, вцепившись железными крюками в оба борта, начали абордаж. Капитан был тут же застрелен, а перепуганных, не оказывающих сопротивление пассажиров стали вязать по рукам и ногам, стаскивая в общую кучу. Паоло Бои, оказавшись в этой свалке человеческих тел, попытался дать отпор пиратам, но был оглушён и без сознания переброшен на чужую палубу. Когда он пришёл в себя, пираты уже полным ходом двигались на юг в Алжир.

Всего через четыре дня в порту Магриба всех пленников-христиан подвергли сортировке: на тех, за кого потенциально можно было получить выкуп у родственников или друзей, и тех, кого продавали местным шейхам в услужение. Молодые люди и лица знатного происхождения зачастую попадали в первую категорию – их сажали в грязные казарменные лагеря «*баньи*» и заставляли писать на родину письма о пленении с указанием суммы выкупа. Чтобы подогреть желание поскорее освободиться, рабов содержали в строгости,

²⁷ С XVI века частота и дальность рейдов мусульманских пиратов и каперов сильно возросли. Действуя из множества портов Магриба (Варварский берег), включая такие крупные как Тунис, Триполи, Алжир и Сале, они держали в страхе всё западное Средиземноморье. Деятельность пиратов не ограничивалась одними лишь нападениями на торговые суда в морях, они очень часто устраивали рейды на прибрежные города Европы с целью захватить в плен христианских рабов и продать их на невольничьем рынке в Алжире или Марокко. По данным историков, с XVI по XIX век пираты захватили и продали в рабство от 1 до 1,25 миллиона европейцев.

подвергая издевательствам. Однако, несмотря на все тяготы, у выкупных пленников хотя бы оставалась надежда на спасение. Другое дело с теми, кто попадал в категорию «товар». Таких рабов после покупки могли навсегда увезти вглубь страны или приковать к скамьям на пиратских галерах. 50-летнего Паоло Бои определили как неперспективного для выкупа и выставили на продажу, но ему несказанно повезло – статного, с красивыми чертами лица сицилийца купил один знатный турок из правящей элиты Алжира.

У хозяина-турка были приятные манеры и мягкий нрав. Он отвёз Бои в свой дворец и сообщил, что в качестве обязанностей тот должен будет лишь принимать его многочисленных гостей. Тех было действительно немало: все они были местными вельможами, которые проводили время в учёных разговорах и... за игрой в шахматы. Хозяин дома часто играл на ставку и проигрывал большие суммы. *Сиракузец* заметил это и предложил турку обучить его шахматному искусству в обмен на свободу. Благородного хозяина заинтересовали слова раба, и он попросил доказать ему своё мастерство. Бои с удовольствием выполнил эту просьбу. Турок был изумлён, но обрадован. Теперь во время всех игр талантливый итальянец должен был стоять у него за спиной, словно визирь, подсказывая господину правильные ходы. Деньги потекли в карманы турка рекой. Многие знатные шейхи и военачальники старались попасть к нему в дом, чтобы посмотреть на мастерство его раба. Благородный хозяин даже

отправился с *Сиракузем* в шахматный тур по королевству, выиграв благодаря ему много тысяч скудо.

Спустя год пребывания в плену Паоло Бои стал напоминать турку об обещанном ему освобождении, но хозяин, не желая отказываться от такого полезного раба, всякий раз упрямо делал вид, будто не понимает язык чужеземца. Тогда Бои потребовал делиться с ним частью выигрыша и дать разрешение свободно выходить в город. Турок согласился, но нанял двух специальных стражников, которые везде должны были сопровождать раба, чтобы тот не сбежал или его не похитили завистники. Паоло Бои не прельщала перспектива всю оставшуюся жизнь провести в заточении, как птица в золотой клетке, и он стал вынашивать план побега.

Гуляя по тесным кривым улочкам перенаселённого Алжира, Бои с интересом наблюдал за бытом, порядками и нравами местных жителей. Он собирал ценные сведения и заводил нужные знакомства. В какой-то момент он услышал о знаменитом заключённом, некоем «*одноруком*» – храбром испанце, который много раз пытался бежать из плена, но его постоянно ловили и жестоко наказывали. Паоло Бои без труда отыскал его в тюрьме королевского дворца: измождённого, закованного в кандалы «старика», которому было всего 30 лет! Его имя было Мигель де Сервантес²⁸. Он, как и Бои,

²⁸ **Мигель Де Сервантес Сааведра** (1547-1616) – знаменитый испанский писатель, автор романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский». С 1575 по 1580 гг. он находился в алжирском плену, где совершил несколько неудачных попыток побега. Воспоминания об ужасах пиратских набегов и тяжёлых годах,

сражался при Лепанто, где был тяжело ранен и потерял левую руку. Но Мигель не бросил службу и, пройдя всю войну, в 1575 году возвращался домой с наградами и пачкой рекомендательных писем, сулящих хорошую карьеру. Уже почти у родных берегов, близ Паламоса, его вместе со старшим братом Родриго захватили в плен пираты. Берберы приняли их за богатых идальго и назначили неподъемный выкуп в 500 золотых эскудо. Бои при этих словах невольно отвлёк глаза, вспомнив, как когда-то в Италии зарабатывал такие суммы за один игровой вечер. Семья Сервантесов на родине влезла в страшные долги, но смогла собрать деньги на выкуп лишь одного сына – Родриго. Оставшись без надежды на спасение, Мигель в сговоре с другими рабами неоднократно пытался бежать, но его всякий раз обманывали и предавали, и он снова оказывался в тюрьме. «Я не остался висеть, подвешенный за ребро, на крюке у городских ворот только потому,» – говорил он, – «что допрашивавший меня судья Хасан-паша был впечатлён тем, как я под пытками не выдал ни одного из беглецов. Мусульмане здесь ценят только смелость и силу – им никогда нельзя показывать свой страх.»

Паоло Бои внимательно расспрашивал испанца обо всех его неудачных побегах: о том, как он пытался пересечь пустыню, пробраться на торговый корабль, как полгода прятался в пещере и о многом другом. Бои сам мечтал поско-

проведённых в африканской неволе, легли в основу многих его последующих произведений.

рее оказаться на свободе и искал верный способ для этого. Морской путь был отрезан: все иностранные суда тщательно обыскивались, а местные купцы ни за какие деньги не согласились бы взять любимого «шахматного» раба известного турецкого халифа – такое каралось смертью по возвращении. Оставался только непроходимый путь через пустыню на запад в занятый испанцами Оран. Для такой экспедиции требовался надёжный и опытный проводник, который вскоре нашёлся. Им оказался итальянец-рenegат, которого ещё маленьким мальчиком похитили корсары из родной деревушки на юге Сардинии. Через много лет приняв ислам и заслужив свободу, он остался водить торговые караваны по северной Африке. Раньше на родине его звали Франческо, но после обращения в новую веру он получил имя Улуч. Сардинец был большим любителем шахмат и быстро сдружился с Паоло Бои. Они часто встречались в городе и за игрой обсуждали его план побега. Улуч убеждал Бои, что путь на запад хоть и объективно короче, но таит в себе много непредвиденных опасностей. «К Орону ведут такие тропы в пустыне, о которых знают только туареги, но среди них ты никогда не найдёшь себе проводника, ведь их не интересуют деньги. Я же всего за 1000 эскудо могу взять тебя в свой караван, идущий на восток. Через Египет и Турцию, по хорошо изведанному мной пути ты безопасно вернёшься к себе домой в Италию свободным человеком.» Но Бои ни в какую не соглашался – дорога в обход Средиземного моря с востока могла занять

годы, и риск «пробиваться» к испанцам на запад (всего 400 километров до Орана!) казался ему оправданным. Но время шло, и Бои всё больше тяготился своим положением «свободного» пленника. В городе он регулярно становился свидетелем казней беглых рабов – это изрядно действовало ему на нервы и склоняло чашу весов в пользу надёжного варианта сардинца. В один из вечеров Бои пересчитал все деньги, которые ему удалось скопить за годы своего заточения: сумма оказалась как раз той, какую требовал Улуч. Бои встретился с ним в городе и уверенно произнёс: «Я согласен идти с тобой на восток.»

Однако сбежать в тот же день заговорщики не могли: необходимо было дожидаться открытия караванных путей. Только через несколько месяцев они погрузились с остальными торговцами и погонщиками на тысячи откормленных верблюдов-дромадеров и двинулись в путь. Перед этим Паоло Бои смог ловко отделаться от двух неотступно следовавших за ним стражников: он завёл их в самую гущу пёстрой многонациональной толпы на алжирском базаре и растворился в ней. В одной из базарных палаток сардинец переодел Бои в широкий халат «*фараджу*» и хлопковые шаровары, намотал на голову и лицо платок «*литам*», скрывающий всё, кроме глаз – такая одежда не только помогла замаскировать беглеца, но и отлично защищала его в дальнейшем от обжигающего ветра пустыни. Вскочив на коней, они рысью бросились к каравану, чтобы затем аккуратно и незаметно влиться

в бесконечный поток товаров, людей и животных.

Улуч оказался прав, убеждая Бои отправиться на восток в Турцию: потерявшие его в Алжире стражники спустя несколько часов бесплодных поисков подняли тревогу, но беглого раба в первую очередь стали искать в порту и на пути к Орону, теряя драгоценное время. Никому не могло прийти в голову, что иноземец мог в одиночку отправиться вглубь мусульманского государства и остаться при этом незамеченным. Спустя несколько дней стражники спросили у турка-хозяина, нужно ли им послать быстрых гонцов в восточные города с вестью о беглом рабе? Стоя на балконе своего дворца и многозначительно глядя на закат, турок произнёс лишь одно-единственное слово: «Макту́б²⁹».

11

Паоло Бои и Улуч медленно продвигались с караваном через Северную Африку в Египет и Турцию, встречая на своём пути много приключений и трудностей. Часто они коротали время, играя в шахматы в уме: находясь на соседних верблюдах, они выкрикивали друг другу ходы, представляя в воображении шахматную доску. В больших городах караван надолго останавливался: они жили в специальных поселениях для купцов, вели торговлю, а затем снова отправлялись в путь. То там, то здесь, на восточных базарах *Сираку-*

²⁹ **Макту́б** (араб. بونت كُف, «предначертано») – исламское фаталистическое понятие, литературно переводимое как присловье «так суждено» или «Смирись, ибо так предначертано Аллахом».

зец играл на ставку с местными мастерами и сколотил даже небольшое состояние. В Александрии и других портах сардинец предлагал Паоло Бои пересесть на корабль и скорее вернуться домой, но тот опасался снова оказаться в руках у пиратов. Бои не раз приходилось видеть, как османы сперва давали разрешение иностранным торговым кораблям на выход из порта, а потом пускали вдогонку пиратов на быстроходных галерах: те вырезали всю команду, топили корабль и возвращали часть награбленного в пользу османской казны. *Сиракузец* никуда не спешил – оставаясь в компании с сардинцем, он медленно, но верно продвигался навстречу свободе.

В Турции сходились все торговые пути, следовавшие из Африки, Индии и Китая. Несколько лет путники провели в «столице мира» – Константинополе³⁰. Бои никогда в жизни не видел таких больших городов. Константинопольское столпотворение представлялось ему «Вавилонским»: в огромной столице, с которой не могли сравниться ни Рим, ни Венеция, жили сотни тысяч ремесленников, торговцев, моряков, чиновников и рабов со всех концов мира. Он с удовольствием вдыхал ароматы специй и морской соли. Он восхищался роскошью дворцов и монументальностью мусульманских мече-

³⁰ 29 мая 1453 года турецкие войска захватили Константинополь. Город в результате постепенной трансформации слова «Константинополь» в рамках фонетических норм турецкого языка стал именоваться в просторечии Истанбулом (позже Стамбулом), но в христианском мире город продолжали называть по-старому.

тей, обилием бань и изяществом фонтанов. Играя в шахматы на Гранд-базаре, *Сиракузец* всегда с интересом рассматривал наборы фигур – более абстрактные и совсем непохожие на европейские. В Константинополе Бои обрёл славу «непобедимого кафира³¹», обыграв сотню лучших шахматистов. Но в конце концов устав от исламского мира, чужих людей и языка, он продолжил свой путь в одиночку – Улуч остался в Турции, чтобы готовить новый караван для возвращения в Алжир.

В 1586 году, обогнув Балканы и проехав через Венгрию, Паоло Бои наконец-то оказался в Венеции. Многие считали, что великий *Сиракузец* давно погиб. Его не было в Италии 12 долгих лет! Легендарного 60-летнего шахматиста встретили в столице с ликованием и почётом. Все с упоением слушали истории о его приключениях. Молодые игроки мечтали сыграть с ним хотя бы одну партию. Но Паоло Бои нежился в лучах заслуженной славы лишь до тех пор, пока один из игроков вдруг не произнёс: «Джованни Леонардо и Вас все называют главными шахматными *светилами* на небосводе. Словно Солнце и Луна, вы – *Свет* и *Блеск* шахматного мира!» Все присутствовавшие подхватили эти слова торжественными аплодисментами, но Паоло Бои заметно помрачнел. Казалось, уже давно забытые ярость и жажда кровной мести вски-

³¹ В средние века, во времена Османской империи, презрительным словом «*кафир*» (позже «*гяур*») турки называли представителей всех религиозных традиций, не исповедующих ислам.

пели в нём вновь. Он не собирался ни с кем делить пьедестал. Он не хотел быть лишь «одним из лучших», лишь «блеском Луны». Ему было необходимо стать единственной и самой яркой звездой на всём небе! Узнав, что *Мальши* Джованни служит в Неаполе при дворе вице-короля Педро Тельес-Хирона, герцога Осуна, Бои немедленно направился туда. Но сперва он навестил знакомого венецианского герцога, который однажды уже помог ему раздобыть сильнодействующий яд...

12

После победы над Паоло Бои в 1576 году в Мадриде Джованни Леонардо вернулся домой в Италию. Он много играл в шахматы, путешествуя по полуострову, пока не познакомился в родной Калабрии с Николо Бернардино Сансеверино – принцем Бизиньяно. Будучи ровесниками и земляками, после нескольких совместных партий они быстро сдружились, и принц предложил Леонардо занять должность его поверенного при дворе вице-короля Неаполя. *Мальши* Джованни, добившийся в шахматах всего, что только было возможно, решил посвятить себя чему-то новому. Теперь он с сожалением вспоминал о заброшенной когда-то в Риме учёбе, однако нашёл в себе силы в 40 лет окончить юридический факультет Неаполитанского университета. Став «доктором права» – то-то был бы рад его покойный отец! – Леонардо с энтузиазмом взялся за административную работу.

К моменту возвращения Бои из Африки Леонардо играл

уже не так часто и рассматривал шахматы лишь как хобби. Увидев постаревшего *Сиракузца*, с головой белой, как снег, он обрадовался и с большим удовольствием принял его предложение сыграть несколько партий. На «турнир двух легенд» собралась вся неаполитанская знать: герцог Тельес-Хирон велел установить шахматный стол в своём дворце и лично присутствовал на матче. Соперники, несмотря на прошедшие годы, остались одинаково сильны – все партии между ними оказались сыграны вничью. На небольшом пиру, устроенном после матча, Паоло Бои подошёл к Джованни Леонардо с двумя бокалами вина. Он предложил выпить за их славу: «Я слышал, что нас называют *Солнцем* и *Луной* на шахматном небосводе.» *Мальши* задумчиво отвечал ему: «Это слишком громкие слова для меня... А как же Лусена³² и Дамиано? И другие великие мастера прошлого? Нет... Мне кажется, что мы, как герои античных мифов, останемся навсегда лишь бесчисленными созвездиями, по свету которых иг-

³² **Лусена Луис Рампрес** (1465-1530) – автор одного из старейших сохранившихся печатных руководств по современным шахматам «Повторение любви и искусство игры в шахматы» (*Repetición de amores y arte de ajedrez, con 150 juegos de partido*), изданного не позднее 1497 года. Лусена был родом из еврейской семьи, принявшей христианство – его отец был послом короля Испании, что позволило юному шахматисту много путешествовать по Европе. Его сочинение состоит из двух частей: первая часть не имеет отношения к шахматам (это трактат о любви, написанный в духе учёных диссертаций того времени), а вторая часть содержит правила игры в шахматы: старые («del viejo») и новые («juego de la dama»), разбор 11 дебютов, собранных Лусеной во время путешествия по Испании, Италии и Франции, а также 150 шахматных задач.

роки будущего смогут ориентироваться на своём пути к совершенству.» После этого Леонардо выпил свой бокал и отправился домой, собираясь наутро отплыть в родной город Кутро. Через несколько часов он почувствовал лёгкое недомогание, которое позже сменилось тошнотой, рвотой и судорогами. Он катался по кровати и кричал так громко, что его было слышно жителям окрестных домов. Врачи, присланные герцогом, постоянно пускали ему кровь и давали слабительное, но спустя четырнадцать часов мучительных болей 45-летний *Мальши* Джованни скончался.

По настоянию вице-короля хирургами было произведено вскрытие. Желудок Леонардо содержал чёрную жидкость с неизвестной взвесью, и дно его было обожжено – это сразу же навело врачей на мысль об отравлении. Чтобы убедиться в посмертном диагнозе, была проведена стандартная процедура: от желудка отделили часть тканей и скормили их собаке. Животное завывало от боли, что подтвердило версию с сильнодействующим минеральным ядом. Тельес-Хирон приказал сохранить всё в секрете и объявить причиной смерти болотную лихорадку³³. Поскольку на трапезе после матча во дворце присутствовало много представителей неаполитанской знати – в том числе и сам герцог – Тельес-Хирон решил, что это было политическое убийство, направленное изначально на кого-то из высших особ, но попавшее ми-

³³ «Болотной лихорадкой» в Средние века называли малярию (итал. *malaria* – «плохой воздух»).

мо цели. Также вице-король допускал, что отравитель мог и не ошибиться: ведь у Леонардо было много завистников из числа вельмож, претендовавших на должность поверенного принца Сансеверино, которых этот «безродный выскочка» обошёл лишь благодаря своему шахматному таланту. Останки Леонардо поместили в гроб и отправили для захоронения на родину в Калабрию.

Так закончилась история гениального игрока и победителя первого «неофициального» чемпионата мира по шахматам Джованни Леонардо ди Бона по прозвищу *Мальши*. На родине его и по сей день считают национальным героем. Городок Кутро теперь носит гордый туристический титул «*Città degli Scacchi*» (итал. «Город шахмат»). Прогуливаясь по его улочкам, вы легко найдёте пиццерию «*Scacco Matto*» (итал. «Шах и мат»), бар «*Il Puttino*» (итал. «Мальши»). В 1990-х годах на главной площади города – прямо напротив церкви³⁴, где Леонардо молился Мадонне перед игрой с Лопесом – установили гигантскую шахматную доску из мрамора. Возможно, *Мальши* Джованни мечтал, чтобы по старой традиции на этой площади родные и близкие забрасывали их с женой зёрнами пшеницы после венчания, но теперь здесь стоит лишь его бронзовая статуя, наблюдая за горожанами с высоты своего одиночества. Каждый год вечером 12 августа на

³⁴ Оригинальная церковь Благовещения была разрушена землетрясением в 1831 году. Сейчас на её месте стоит многократно перестраивавшаяся церковь Santissima Annunziata.

шахматной площади Кутро происходит грандиозная историческая реконструкция Мадридского турнира: местные жители наряжаются шахматными фигурами, разыгрывая известные партии и сценки из жизни Леонардо при дворе короля Филиппа II. Не забывают город и профессиональные шахматисты: ежегодно в апреле с 1995 года игроки съезжаются в Кутро для участия в международном турнире «Citta' di Cutro».

Что касается Паоло Бои, то, отравив Леонардо и поставив кровавую точку в своей вендетте, он не обрёл желанного счастья и успокоения. Последние, пророческие слова *Мальшиа* Джованни о «*светилах и созвездиях*», сказанные им на пиру, стали для Бои вечным проклятием. Потратив годы на то, чтобы устранить единственного, как он считал, равного ему соперника, Бои не заметил, как выросло новое поколение талантливых и способных игроков. Они были молоды, горячи, в головах у них роились смелые идеи и комбинации. Они анализировали дебюты и гамбиты, изучали эндшпили. Они закладывали фундамент того, что впоследствии назовут «Итальянской шахматной школой». Сальвио³⁵, Карре-

³⁵ **Алессандро Сальвио** (1570-1640) – неаполитанский шахматист, автор «Трактата об изобретении и свободном искусстве игры в шахматы...» (*Trattato dell'inventione et arte liberale del gioco di scacchi...*, 1604) и художественно-биографической повести, повествующей о жизни Джованни Леонардо и других великих шахматистов «Путтино или Странствующий рыцарь» (*Il Puttino altramente detto, il cavaliere errante*, 1634).

ра³⁶, повзрослевший Полерио и многие другие игроки вдруг стали обыгрывать старого мастера. На склоне лет к *Сиракузу* пришло горькое осознание бессмысленности его мести, ведь ему так и не удалось насладиться одиночеством на шахматном Олимпе. Он сожалел о совершённом преступлении и боялся теперь встречи на том свете с апостолом Петром – хранителем ключей от райских врат. Призраки Леонардо и его невесты являлись к Бои по ночам, терзая душу. У него развилась «зеркальная» фобия: он всячески избегал своего отражения на стёклах и полированных поверхностях. Он запрещал художникам рисовать его портреты, хотя многие хотели запечатлеть легендарного шахматиста. Чего боялся Бои? Что пронизательный художник сможет прочесть в его глазах страшную правду о нём? Или он просто стеснялся своего возраста? Современники говорили, что к концу жизни Паоло Бои стал очень набожным человеком: он каждый день ходил на мессу, регулярно исповедовался, не отказывал бедным в милостыни. Он всеми силами пытался вымолить себе прощение, но как учили святые отцы: «...*прощение грехов получается лишь через страдание и печаль.*»

В 1598 году Паоло Бои приехал по делам в Неаполь и

³⁶ **Пьетро Каррера** (1573-1647) – сицилийский капеллан, шахматист и фальсификатор истории. Автор трактата «Шахматная игра» (*Il Gioco de gli Scacchi*, 1617), в котором активно пропагандировал собственный вариант шахмат с полем 8x10 и двумя дополнительными фигурами: *Чемпионом* (сочетавшим возможности коня и ладьи) и *Кентавром* (сочетавшим коня и слона). Непримиримый враг и противник А.Сальвио.

арендовал дорогое жильё в центре города. 70-летний старик был очень богат: за годы странствий и благодаря драгоценным подаркам от испанских и итальянских вельмож он нажил целое состояние – примерно 30 000 скудо! Большая часть денег, конечно же, хранилась в венецианском банке, но несколько тысяч скудо он всегда возил с собой в запертых сундуках. В арендованном особняке за Бои ухаживали молодой лакей и повар. Разглядев однажды на поясе у почтенного синьора связку ключей и толстый кошель, набитый золотыми монетами, слуги сговорились его отравить. Повар хорошо знал, что от сырого мяса многим людям становится плохо – мучимые диареей и рвотой, некоторые из них потом умирают от обезвоживания – поэтому на ужин для синьора повар хорошо прожарил мясо на вертеле с одной стороны, с другой оставив нетронутым и полным крови. Для верности он ещё добавил в густой соус толчёные листья наперстянки³⁷, которую сам же собрал и высушил накануне. Пока измождённый болью и лихорадкой Паоло Бои лежал в бреду, слуги

³⁷ **Наперстянка** – род травянистых многолетних кустарников с красивыми фиолетовыми цветами, произрастающих преимущественно в Средиземноморье. Ядовитые свойства растения были известны с Древнейших времён, но в малых дозах наперстянка успешно использовалась для лечения хронической сердечной недостаточности. Употребление в пищу любых частей растения вызывает рвоту, диарею, галлюцинации, проблемы со зрением, нарушение частоты сердечных сокращений и, как итог, остановку сердца. Считается, что плохое психическое состояние Винсента Ван Гога в последние годы его жизни, а также его искажённое восприятие цвета и света были обусловлены тем, что личный доктор художника регулярно заставлял его принимать лекарство из наперстянки.

тщательно обыскивали его сундуки. К утру сердце старика не выдержало. *Сиракуза* с почестями похоронили в небольшой церкви Сан-Франческо ди Паола³⁸, рядом с дворцом вице-короля в Неаполе, но могила его не сохранилась – в конце XVIII века церковь снесли.

Испанский священник Руи Лопес после поражения на мадридском турнире вернулся к выполнению своей перуанской миссии. Он погрузился на корабль с несколькими томами своего шахматного учебника и спустя полгода смог благополучно добраться до Лимы. Вице-король Перу Франсиско де Толедо и архиепископ Лимы Херонимо де Лоайса безмерно уважали шахматы и способствовали активному распространению игры среди администрации, военных и священников. Культ шахмат в колонии был настолько высок, что некоторые должности в ней распределялись по тому, как хорошо кандидат умел переставлять фигуры на доске. Книги и талант Лопеса пришлись как нельзя кстати – и священник готовился пережить ренессанс своей былой славы, но судьба распорядилась иначе. Начальником Руи Лопеса в Лиме оказался сменивший Серезуэлу на посту главного инквизитора Антонио Гутьеррес де Ульоа – человек алчный и безнравственный. С помощью интриг и террора он тайком от испанской казны направлял себе в карман доходы от выработки ртутных рудников Уанкавелики. Там, на 400-метровой

³⁸ Современная величественная базилика Сан-Франческо-ди-Паола на одной площади в Неаполе была построена только в XIX веке.

глубине, в бесчеловечных условиях индейцы-инки принудительно отбывали свою трудовую повинность «*миты*»: разутые и раздетые, отравляемые ядовитыми ртутными испарениями, с сочащейся изо рта и ушей кровью, они неделями не покидали забоев, к концу срока превращаясь в инвалидов. Как-то в одной из шахт вспыхнуло восстание: отчаявшиеся инки взяли в заложники солдат-охранников, требуя отмены их «рабского» труда. Главный инквизитор, имея свой корыстный интерес, решил тихо уладить ситуацию, направив к восставшим двух послов-священников для проведения переговоров. Одним из них был 47-летний Родриго Лопес. Что произошло на шахте после прибытия послов – неизвестно, но священники пропали без вести. По словам немногочисленных свидетелей, восставшие инки подожгли бараки и скрылись высоко в горах, захватив с собой двух испанцев в качестве пленников. Позднее на суде инквизиции, под пытками, один из пойманных индейцев утверждал, что священников казнили и закопали в одной из глубоких шахт, но тело Руи Лопеса так и не было найдено. О жизни и смерти великого испанского шахматиста в Перу не осталось никаких свидетельств и документов. Зато шахматный учебник Лопеса надолго пережил своего автора: в Лиме экземпляры «*Книги об изобретательности и искусстве игры в шахматы...*» можно было найти ещё вплоть до середины XIX века!

На родине Лопеса – в Сафре (область Эстремадура) – на перекрёстке тесных улочек Тетуан и Ботикас, на фасаде дома

№17 красуется тёмно-бирюзовая азулежу³⁹: «Дом, в котором родился и жил священник Сафры Руй Лопес де Сегура – первый Чемпион мира по шахматам и выдающийся шахматный писатель». Заглянув за угол здания слева от этой таблички, вы сразу увидите возвышающуюся колокольню церкви Ла Канделария – она находится всего в 100 метрах от дома. В ней начинал свою карьеру амбициозный Родриго Лопес, в ней же всю жизнь прослужил его благочестивый брат Алонсо. Последний, кстати, тоже удостоился от потомков памятной плитки на фасаде дома: после своей смерти в 1590 году он завещал фамильный особняк благотворительному госпиталю Сан-Ильдефонсо. Больница для бедных проработала в здании с 1592 по 1834 год.

Администрация Сафры всеми силами старается превратить город в шахматную столицу Испании, ничем не уступающую итальянскому Кутро. В центральном парке вы найдёте прекрасную шахматную площадку для игры на свежем воздухе. Ежегодно в конце июня на площади Гранде проходит шахматный фестиваль «От Луны до огня» (исп. «*De la luna al fuego*»), где можно поучаствовать в тематичных экскурсиях, игровых мастер-классах и грандиозном уличном шоу. Профессиональных игроков заинтересуют многочисленные турниры, проводимые «Шахматной ассоциацией Руи Лопеса» (исп. *La Agrupación de Ajedrez Ruy López*), самым необыч-

³⁹ Азулежу (от исп. *azul* «синий») – традиционная для Португалии расписная обожжённая глазурованная глиняная плитка.

ным из которых является, пожалуй, швейцарка «Chess & Cheese», совмещающая игру с дегустацией фермерских сыров.

Нам остаётся сказать лишь несколько слов о последнем участнике Мадридского турнира: священнике Альфонсо Сероне. После очередной неудачи при дворе он навсегда вернулся в свой скромный деревенский приход на окраине Мадрида, где много лет прожил с возлюбленной конкубиной⁴⁰, родившей ему пятерых детей. Не получив «ожогов» от лучезарной славы, Серон – единственный из четвёрки знаменитых шахматистов, кому удалось умереть естественной смертью в глубокой старости, в постели собственного дома, в окружении родных и близких ему людей.

⁴⁰ **Конкубина** (от лат. *con* + *subare* «вместе» + «лежать») – незамужняя женщина низшего сословия, сожительствующая с мужчиной. Термин характерен для римского и христианского права. В Испании XVI-XVII веков, благодаря снисходительному отношению инквизиции, конкубинат был весьма распространённым явлением среди священников, находящихся на низших ступенях церковной иерархии.